

Д.Н. УШАКОВ: ОРФОЭПИЧЕСКИЕ ПОИСКИ, «ПОХОДЫ» И РЕШЕНИЯ (К 150-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО)

Е.М. Болычева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 129-130@mail.ru

Аннотация: В сложных условиях постреволюционного времени Д.Н. Ушаков смог создать серию научных работ, посвященных вопросам произносительной нормы, и стать основоположником орфоэпии как отдельной лингвистической дисциплины.

Перечень черт правильного произношения изложен ученым в ряде статей, в предисловии к Толковому словарю русского языка (1935–1940) и в устной лекции, запись которой стала общедоступной благодаря интернету. Соотнесение произносительных рекомендаций с особенностями живой речи ученого позволяет сделать выводы о методологии, которой пользовался Д.Н. Ушаков при анализе языкового материала.

Многие решения ученого бесценны с точки зрения предвидения направления поисков, которые будут предприняты наукой в дальнейшем. Среди таких следует отметить: мысль о преемственности произносительной традиции как культурного феномена и о допустимых границах в ориентации на старшую норму; бережное отношение к идее сосуществования разных вариантов произношения как отражения тенденций в развитии языка (реализованное, например, в совместной с Н.Н. Дурново статье 1910 года при транскрибировании рассказа А.П. Чехова).

Ключевые слова: Д.Н. Ушаков; орфоэпия; старомосковское произношение; преемственность литературной нормы; вариативность

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-06-16

Для цитирования: Болычева Е.М. Д.Н. Ушаков: орфоэпические поиски, «походы» и решения (к 150-летию ученого) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 6. С. 227–235.

D.N. USHAKOV: ORTHOEPIC SEARCHES, “CAMPAIGNS” AND SOLUTIONS (TO THE 150th ANNIVERSARY OF THE SCHOLAR)

E.M. Bolycheva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 129-130@mail.ru

Abstract: In the difficult conditions of the post-revolutionary period, D.N. Ushakov managed to create a series of academic papers devoted to the issues of the

pronunciational norm, and to become the founder of orthoepy as a separate linguistic discipline.

The list of features of correct pronunciation is presented by the scholar in a number of articles, in the preface to the Explanatory Dictionary of the Russian Language (1935–1940) and in an oral lecture, the recording of which became publicly available thanks to the Internet. Correlation of pronouncing recommendations with the peculiarities of the scholar's live speech allows us to draw conclusions about the methodology used by D.N. Ushakov in the analysis of language material.

Many of the scholar's decisions are invaluable from the point of view of foreseeing the direction of the research that will be undertaken by science in the future. Among these, we should note: the idea of the continuity of the pronunciation tradition as a cultural phenomenon and the permissible limits in orientation to the older norm; careful attitude to the idea of the coexistence of different pronunciation variants as a reflection of trends in the development of the language (implemented, for example, in a joint article with N.N. Durnovo in 1910 when transcribing the story by A.P. Chekhov).

Keywords: D.N. Ushakov; orthoepy; Old Moscow pronunciation; continuity of literary norm; variability

For citation: Bolycheva E.M. (2024) D.N. Ushakov: Orthoepic Searches, “Campaigns” and Solutions (To the 150th Anniversary of the Scholar). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 227–235.

В эпоху, когда колебались многие основы культуры, Д.Н. Ушаков хотел спасти одну из ее опор — русскую орфоэпическую традицию.

М.В. Панов

Строки, взятые в качестве эпитафии и принадлежащие М.В. Панову [Панов 1995: 13], очень точно характеризуют основной мотивационный посыл, позволивший Д.Н. Ушакову внести заметную лепту в поступательное движение филологической мысли, причем не только благодаря работе над одним из основных толковых словарей русского языка.

Вклад великого ученого и педагога в развитие отечественной орфоэпии трудно переоценить: он считается «основоположником» данной дисциплины [Аванесов 1973: 101]. Это нетривиальное достижение, обеспечивающее отдельное место имени ученого в истории науки. Однако даже столь значимый факт, но рассматриваемый без учета особенностей времени, в которое жил Дмитрий Николаевич (1873–1942 гг.), не позволяет понять особый масштаб заслуг знаменитого профессора Московского университета, — заслуг для русской лингвистики и для культуры вообще.

События 1917 года коренным образом изменили ситуацию в стране, предопределив перемены — очевидные и на первый взгляд не-

ожиданные — в самых разных сферах жизни общества, в том числе и в особенностях функционирования литературного языка. Глобальные перемещения населения привели к размыванию представлений о речи коренной московской интеллигенции, а ведь фонетическое поведение именно этих слоев общества исторически считалось базой для определения нормативных черт литературного произношения. Потомственных москвичей, получивших хорошее образование, волей обстоятельств становилось все труднее услышать: кто-то эмигрировал, кто-то, поддержав консолидацию антибольшевистских сил, скитался по стране. Тем временем не ослабевал и поток переселенцев, искавших в городе спасения от голода и гражданской войны и умножавших своей не всегда грамотной речью разнообразие сосуществующих произносительных черт.

Помимо перечисленных сложностей, задача изучения языковой нормы, принципов ее описания и, главное, регламентации, осложнялась распространением упрощенно-прямолинейного классового взгляда на любую общественно значимую деятельность. Все рабоче-крестьянское признавалось новым и передовым, а буржуазно-дворянское — отжившим и подлежащим как минимум забвению. Следовательно, любое указание на особенности произношения потомственной московской интеллигенции могло вылиться в обвинения в контрреволюционных настроениях: по выражению М.В. Панова, «защитник этого произношения... сразу становился подозрительным лицом» [Панов 1995: 13].

К счастью, Дмитрий Николаевич избежал подобных неприятностей и, будучи «человеком на редкость благородным, душевным, отзывчивым, принципиальным и честным» [Аванесов 1973: 104], старался поддержать коллег, попавших в водоворот бедствий. Сохранился экземпляр «Письма И.В. Сталину», написанный Д.Н. Ушаковым приблизительно в начале 1932 года. Этот документ обнаружен в Архиве АН СССР и представляет собой четвертую машинописную копию, местами слепую и с пропуском трех строчек текста на месте перечня конкретных фамилий. Судьба письма в других архивах не прослеживается, и мы не знаем доподлинно, в скольких шагах от катастрофы прошел автор (существует несколько предположений в этой связи [Ушаков 1995: 318]). Как бы то ни было, донкихотовское рыцарство и величие души человека, решившегося доверить бумаге подобные строки, вызывают уважение: «В настоящее время большинство старых (а отчасти и “средневозрастных”) языковедов в значительной степени устранены от участия в академической, вузовской и общественно-педагогической жизни страны. <...> Из вузов они или ушли (всегда в значительной степени вынужденно), или поставлены в них на задворки, из научно-исследовательских

институтов их исключили (или, что удобнее, не включили в новый состав при реорганизации института), печататься они не могут, так как издательства боятся их печатать независимо от содержания ими написанного, словом, заживопогребенность, социальная “зачумленность” — вот то “внимание” и “забота”, которыми они окружены» [Ушаков 1995: 307].

«Письмо И.В. Сталину» важно не только как прямое доказательство удивительных душевных качеств Д.Н. Ушакова: в нем есть строки, характеризующие причину перекосов и объясняющие позицию автора, постоянно читавшего лекции в самых разных стенах, возглавлявшего всевозможные кружки и курсы, консультировавшего Радиокomiteт, Всероссийское театральное общество и т. д. [Реформатский 1998]. И так, ученый делится с руководителем страны следующим соображением: «Ведь техническая грамотность возможна только на базе общей грамотности, а это последнее неразрывно связано с общим положением в стране языковедной науки и ее преподавания» [Ушаков 1995: 308].

Особое место в изучении и преподавании языковедческих дисциплин Д.Н. Ушаков отводил именно фонетике, вернее, орфоэпии. С самого начала принимая случившуюся революцию, сорокачетырехлетний приват-доцент, а с 1918 года уже профессор Московского университета сразу включился в работу, возглавляемую Наркомпросом, и участвовал в написании новых программ и учебников по русскому языку, опирающихся на анализ живого материала, а не на зазубривание и направленных в том числе на обучение правильно-произношению.

Осмысливая данный опыт и всю ту борьбу, на которую приходилось тратить силы, Д.Н. Ушаков впоследствии назовет свою работу первым орфоэпическим «походом». Метафора получилась яркой, намекающей на победы и поражения, на необходимость защищать и защищаться: «Первый поход был скромный, незаметный. Он был совершен в 1921–1922 гг. при составлении новых программ в Наркомпросе и в Московском отделе народного образования (МОНО). В тех программах впервые было написано слово “орфоэпия”» [Ушаков 1995: 187]. Отрадное, казалось бы, достижение, которым Дмитрий Николаевич гордился, будет перечеркнуто последующей судьбой проекта. В его неопубликованной статье 1936 года «К вопросу о правильном произношении» есть такие печальные строки: «...я с грустью должен констатировать, что орфоэпия мало-помалу из наркомпросовских программ ушла, что авторы учебников... моему примеру не последовали и что вообще в школе дело с орфоэпией опять обстоит по-старому» [Ушаков 1995: 181].

Второй «поход» связан с планами по созыву авторитетной всероссийской конференции по вопросам произношения. К работе были привлечены работники театра, целый ряд режиссеров, руководители театральных кружков. Подготовка велась совместно с Государственной академией художественных наук, но, к сожалению, прервалась в связи с закрытием данного учреждения в 1931 году.

Третий свой «поход» Д.Н. Ушаков датирует 1940-м годом, когда 16 февраля на заседании сектора славянских языков Института языка и письменности АН СССР были сформулированы насущные задачи по сохранению произносительной культуры в обществе: «Раньше ориентировались на московский говор. А теперь на московский говор так ориентироваться нельзя, потому что уже нет единого мнения о том, что называть московским говором. Ведь то, что увеличилось население Москвы, означает, что теперь московский говор как раз уже не московский». Развивая мысль о варьировании нормы и ее изменении в новую, Дмитрий Николаевич подчеркивает, что «теперь намечается старое московское произношение и молодое московское произношение», которое следует подробнейшим образом изучить и описать. Все новое «нужно изыскивать, может быть, не для того, чтобы его принять, а потому, что надо знать, с чем мы будем бороться, если это плохо, и что мы будем принимать, если это правильно» [Ушаков 1995: 188].

Так каковы результаты трех «походов»? Оглядываясь на деятельность Д.Н. Ушакова из лингвистической реальности 21-го века, можно утверждать, что оценивать следует не три боевых кампании (ведь кодифицирующих конференций и комиссий мы не научились собирать и по сей день!), а весь пройденный путь. Глобальность задач, поставленных ученым в ходе его орфоэпической работы, предопределила направление поисков на годы вперед — таково главное достижение. В рамках обзорно-биографической юбилейной статьи обсудить все решения великого ученого, которые будут получать то или иное преломление в орфоэпических словарях 20–21-го веков, не представляется возможным, но на некоторых значимых моментах все-таки хочется остановиться.

Рассказывая о старомосковском произношении, Д.Н. Ушаков относился к нему как к эстетически значимому феномену культуры, на котором должна базироваться орфоэпическая ситуация современной ему эпохи. При этом идея литературной нормы утверждает именно преемственность, а не застывшую в веках неизменность старомосковских произносительных особенностей. Свое выступление на уже упоминавшемся выше заседании сектора славянских языков в Институте языка и письменности Д.Н. Ушаков закончил такими словами: «Между прочим, в Театральном обществе есть

Студия звукозаписи. Там записана моя лекция о московском произношении и прочитанный мною чеховский рассказ «Дачники». И после моей смерти вы все это можете слушать» [Ушаков 1995: 188]. В процитированном напутствии нет предложения будущим потомкам беспрекословно следовать старым нормам — есть завет знать о них и иметь возможность сверять свои знания с имеющейся записью.

Весьма важен выработанный Д.Н. Ушаковым попунктный и пронумерованный перечень черт старомосковского произношения, поданный не сплошным списком, а с системным делением: «сначала 1) главнейшие черты московской речи, против которых погрешают немосквичи, потом 2) — наиболее распространенные искажения живого произношения, создавшиеся на почве буквы у грамотников, хотя бы и москвичей» [Ушаков 1995: 173]. Цитата взята из известнейшей статьи 1928 года «Русская орфоэпия и ее задачи», мысли из которой станут базовыми при написании предисловия к четырехтомному «Толковому словарю русского языка» 1935–1940 гг. Упомянутый словарь — это первое лексикографическое издание, в котором содержится орфоэпическая информация о слове. Так, например, статья *крем* содержит произносительную помету [рэ], кодифицируя тем самым произношение с твердым. Статьи же *рельс*, *пионер*, *фанера* транскрипционных указаний не содержат, т. к. в этих словах предполагается стандартный мягкий согласный перед *e*.

Перечислению черт старомосковского произношения посвящена и устная лекция Д.Н. Ушакова, упоминавшаяся выше и ставшая в наше время общедоступной благодаря интернету [Ушаков 1940]. Это чрезвычайно интересный для анализа документ, в котором сталкиваются фрагменты, когда лектор предельно сконцентрирован на правильности своей речи (так озвучиваются примеры к пунктам правила и весь рассказ «Дачники»), и фрагменты, когда самоконтроль несколько ослаблен (при описании структуры будущей лекции, например). В результате подчеркнуто-правильное произношение *ж[ы]ра*, *ш[ы]ги*, *ш[ы]лить* соседствует с *Уш[а]ков*, а *русс[к]ий*, *широ[к]ий* и *высо[к]ий* — с *московс[к']ий*.

Подобный разнобой значим: он свидетельствует о том, насколько непросто выбор между правильным и неправильным при формулировке рекомендаций, в случае если есть вариативность. В статье 1936 года «К вопросу о правильном произношении» Дмитрий Николаевич особо подчеркивал эту мысль: «...может быть, наиболее трудным будет установить как раз тот принцип, по которому следует узаконивать или отвергать то, что влито в язык новейшими струями» [Ушаков 1995: 181]. Обдумывая особенности своих сомнений и решений, ученый писал следующее: «Мне неоднократно ста-

вили в упрек, что я, описывая московское произношение, так сказать, выдаю его за единственно правильное, в то время как в нем давно уже есть известные сдвиги, которые не должны считаться неправильностями. На это я должен сказать, что “сдвиги” я признаю... данные о некоторых сдвигах ввожу даже в самое изложение московских черт, но узаконить что-либо я не считаю себя вправе. Я описываю московское произношение, которое считается, пусть ошибочно, правильным, которого никакие конференции еще не отменяли и от которого при установлении стандарта все будут отправляться» [Ушаков 1995: 185].

Бережное и взвешенное отношение к идее возможного сосуществования разных вариантов произношения было свойственно Дмитрию Николаевичу всегда. В ранней работе «Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения», написанной в 1910 году совместно с Н.Н. Дурново, есть очень значимая сноска: «В основу транскрипции положено произношение Ушакова; произношение Дурново, в случаях отличия, указано в сносках под цифрами. Сноски под буквами дают возможные варианты произношения у обоих наблюдателей...» [Ушаков 1995: 152]. На две страницы затранскрибированного текста (орфоэпический эксперимент заключался в чтении с листа рассказа «Дачники») таких вариантов немало — несколько десятков примеров. Для констатации фонетических нюансов авторы разработали оригинальную транскрипцию с латинскими символами и всевозможными диакритиками. Пользуясь современной системой транскрипционных знаков, отметим, что в статье зафиксированы, например, случаи разной редукции гласных (в [ъ] и [а] — *Чехова, Нина, Фифа*, в [ь] и [а] — *Коля, Костя*, в [ъ] и [ы] — *огненные*) и отличия в реализации согласных ([ч'] и [ш] (*облачных*), [г] и [γ] (*к гостям, где-то*), [к] и [x] (*к тебе*), [з] и [з'] (*кузена*) и т. д.).

Особенно значимым и интересным представляется факт победы икающей нормы произношения в речи двух авторов. Известно, что академик Ф.Е. Корш, речи которого подобная модель редукции была вовсе не свойственна, с трудом согласился с существованием подобного фонетического феномена, о чем вспоминает Д.Н. Ушаков в статье «Воспоминания о председателе московской диалектологической комиссии академике Ф.Е. Корше»: к новому произношению Корш «относился сначала недоверчиво и шутливо, старался уличить... произносящих так в притворстве, потом примирился с существованием такого произношения и придумал нам кличку “питух”» [Ушаков 1995: 292]. Спустя годы, описывая особенности старомосковского произношения в своих программных статьях и лекциях, Д.Н. Ушаков не изменит своего выбора, касающегося

иканья как действующей нормы. Может быть, в этом решении ему помогла ситуация коллективности в принятии рекомендации (транскрибировали совместно с Н.Н. Дурново) или все-таки с трудом, но полученное одобрение академика Ф.Е. Корша, а может быть, какие-то иные причины. Важно, что Дмитрий Николаевич кодифицировал победу иканья, предвосхитив решения орфоэпических словарей и справочников, появившихся спустя годы.

Итак, из краткого описания орфоэпических поисков и решений Д.Н. Ушакова становится понятно, что если отбросить все частности, то основополагающий тезис ученого в борьбе за чистоту произношения сводится к идее бережного отношения к традиции, исторически связанной со старомосковским произношением. Новые условия рождают изменения, которые не должны приводить к попыткам утвердить некую норму, мотивированную или вульгарно-классовым подходом, или упрощенно-унификационным принципом говорить так же, как все, или безоговорочной непримиримостью с какой бы то ни было вариативностью в принципе. Подобные мотивировки свидетельствуют о недостаточном уровне понимания проблемы, о необразованности и элементарной безграмотности, с которой следует бороться с помощью правильно составленных школьных учебников, внушающих идею трепетного и уважительного отношения к национальному языку. Ученый описывал орфоэпию как явление культуры, в котором надо уметь видеть эстетическую ценность, — описывал как раздел науки, который надо изучать, которому надо обучать и который надо беречь. В своей точке зрения он был непоколебим и отстаивал ее как мог — своей безупречной речью, педагогической деятельностью, просветительскими лекциями, написанием программ, учебников, научных работ, воспитанием целого ряда гениальных учеников, продолживших его дело.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аванесов Р.И.* Дмитрий Николаевич Ушаков // Русская речь. М., 1973. № 3. С. 99–105. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/1973-3/99-105> (дата обращения: 12.11.2023).
2. *Панов М.В.* Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество // Д.Н. Ушаков. Русский язык: учебное пособие для педагогических университетов и институтов по специальности «Русский язык и литература». М., 1995. С. 8–40.
3. *Реформатский А.А.* Труды Д.Н. Ушакова по русской орфографии и орфоэпии // Русская речь. М., 1998. № 1. С. 33–47. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/1998-1/33-47> (дата обращения: 12.11.2023).
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. (4 т.) URL: https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ushakova/tom-1/ushakov-tom-1_0001.htm (дата обращения: 12.11.2023).
5. *Ушаков Д.Н.* Русский язык: учебное пособие для педагогических университетов и институтов по специальности «Русский язык и литература». М., 1995.

6. Ушаков Д.Н. О московском произношении // Запись лекции, прочитанной в 1940 г. Хранится в фонотеке ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://www.philol.msu.ru/~ruslang/data/mp3/ushakov.mp3> (дата обращения: 12.11.2023).

REFERENCES

1. Avanesov R.I. Dmitrii Nikolaevich Ushakov [Dmitrii Nikolaevich Ushakov]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 1973, no. 3, pp. 99–105. (In Russ). URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/1973-3/99-105> (accessed: 12.11.2023).
2. Panov M.V. Dmitrii Nikolaevich Ushakov. Zhizn' i tvorchestvo [Dmitrii Nikolaevich Ushakov. Life and work]. D.N. Ushakov. *Russkii yazyk: uchebnoe posobie dlya pedagogicheskikh universitetov i institutov po spetsial'nosti «Russkii yazyk i literatura»* [Russian language: a textbook for pedagogical universities and institutes specializing in “Russian language and literature”]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1995. 319 p. (In Russ.)
3. Reformatskii A.A. Trudy D.N. Ushakova po russkoi orfografii i orfoepii [D.N. Ushakov's works on Russian orthography and orthoepy]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 1998, no. 1, pp. 33–47. (In Russ). URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/1998-1/33-47> (accessed: 12.11.2023).
4. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Edited by N. D. N. Ushakov. Moscow, State in-t “Soviet encyclopedia Publ.”, OGIz, 1935–1940. 4 vol. (In Russ.). URL: https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ushakova/tom-1/ushakov-tom-1_0001.htm (accessed: 12.11.2023).
5. Ushakov D.N. *Russkii yazyk: uchebnoe posobie dlya pedagogicheskikh universitetov i institutov po spetsial'nosti «Russkii yazyk i literatura»* [Russian language: a textbook for pedagogical universities and institutes specializing in “Russian language and literature”]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1995. 319 p. (In Russ.)
6. Ushakov D.N. *O moskovskom proiznoshenii* [On Moscow pronunciation]. Audio recording of the lecture delivered in 1940 is kept in the library of Institute of the Russian Language named after V.V. Vinogradov of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://www.philol.msu.ru/~ruslang/data/mp3/ushakov.mp3> (accessed: 12.11.2023)

Поступила в редакцию 20.11.2023

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 19.11.2024

Received 20.11.2023

Accepted 11.06.2024

Revised 19.11.2024

ОБ АВТОРЕ

Большева Екатерина Марковна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; 129-130@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Bolycheva — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; 129-130@mail.ru